

Казус “Марди”

В августе минувшего — 2019 года — исполнилось двести лет со дня рождения Германа Мелвилла. Большая, “знаковая” дата. Мелвилл не только выдающийся американский писатель, он — классик мировой литературы. Без его романов и повестей невозможно представить историю американского (и шире — западного) романтизма. В нашей стране Мелвилла знают и любят, его книги регулярно переиздаются в переводах на русский язык. Разумеется, в советское время по этому поводу обязательно созвали бы большую, представительную конференцию: с докладами, круглыми столами, пригласили бы иностранную профессуру, атташе по культуре из посольства США, а затем непременно издали “толстый” сборник материалов. Увы, времена теперь иные, автору настоящих строк “следов” подобной конференции разыскать не удалось.

Тем не менее дата не прошла незамеченной — в седьмом (июльском) номере журнала “Иностранная литература” за 2019 год, то есть накануне события, был опубликован фрагмент перевода романа Мелвилла “Марди и путешествие туда”. Текст Мелвилла предваряла небольшая вступительная статья переводчицы Д. Сиротинской, она в нескольких словах расска-

зала о предыстории создания романа, поразмышляла о его месте в творчестве писателя, сообщила о восприятии романа современниками. Публикация завершалась информацией: “Целиком роман ‘Марди и путешествие туда’ будет опубликован Группой Компаний ‘РИПОЛ классик’ в течение этого года”.

И вот событие состоялось — “Марди и путешествие туда” издан!

И это действительно “событие”: из крупных прозаических текстов только этот был недоступен русскоязычному читателю. Теперь лакуна, наконец, заполнена, и сейчас уже всю прозу (за исключением нескольких рассказов) Германа Мелвилла можно читать на русском.

Почему “Марди” так долго шел в Россию? Переведены на русский и изданы даже не самые удачные и, в общем-то, не оставившие серьезного следа в американском романтизме “Пьер” (1852) и “Искуситель” (1857); переиздаются незаконченный “Билли Бадд” (1890), не самые примечательные повести “Я и мой камин”, “Торго-

1. Г. Мелвилл. Марди и путешествие туда: в 2-х тт. Перевод Д. Сиротинской. — М.: Т8 Издательские технологии, 2020.

вец громоотводами”, некоторые рассказы, уровень которых и сам автор оценивал не очень высоко; а вот “Марди”, по объему почти равного классическому “Белому киту”, среди них не было. Почему?

Ответить на этот вопрос не просто: художественные произведения живут своей жизнью, и путь их к читателю иной раз весьма извилист и тернист. Тем не менее попробуем разобраться с “казусом Марди”.

Историки американской литературы, специалисты по Мелвиллу (в том числе и современные), почти единогласно утверждают: роман — неудачный. При этом обычно ссылаются на реакцию современников: когда в 1849 году книга вышла, те были “ошарашены и глубоко разочарованы”. Им вторила критика: рецензенты указывали на жанровую аморфность и неопределенность, тяжеловесность повествования и сложность восприятия, “перенаселенность романа” и невнятность фабулы. Недоумевали: что же все-таки сочинил Мелвилл? Современников, ожидавших от автора “Тайпи” и “Ому” продолжения экзотических приключений, можно понять. Им и в самом деле пришлось испытать глубокое разочарование — “приключений” в привычном смысле в романе немного, разве что в самом начале повествования. Да и те претерпевают трансформацию и довольно быстро из “странствий тела” превращаются в “странствия духа”.

Действительно, однозначно определить жанр “Путешествия туда” невозможно. Впрочем, есть ли в этом необходи-

мость? Во всяком случае, насколько можно судить по письмам, адресованным коллеге и другу, выдающемуся американскому писателю Натаниэлю Готорну (тот, кстати, был одним из очень немногих, кто роман “принял”), самого Мелвилла это не слишком заботило. Куда больше его встревожило (точнее — обескуражило) иное — почему читатели (и критики) отказывают ему в праве быть художником и писать так, как он хочет, как считает нужным? Очевидно, что “Марди” создавался на переломе — собственной судьбы и представлений о писательском ремесле. Это важное обстоятельство, и его следует учитывать.

“Тайпи” — первая книга, опубликованная за три года до “Марди”, принесла Мелвиллу известность. Шумный успех и дискуссия, возникшая вокруг повести, ввели писателя в контекст современной ему литературной жизни Америки, сформировали связи, по сути, открыли новый, большой и яркий мир, о существовании которого он совсем недавно и не подозревал. Необходимо помнить: это был мир, отличный от того, в котором Мелвилл существовал прежде — мир интеллектуалов, людей блестяще образованных, обладавших широким кругозором, глубокими познаниями и к тому же “литературоцентричных”. Примерно тогда он писал: “Все мое духовное развитие свершилось за последние несколько лет. Я вроде того зерна, которое извлекли из египетских пирамид, где оно пролежало три тысячелетия: было просто зерно, но вот его засеяли в английскую

землю, и оно пустило росток, а вскоре даст хлеб. Не так ли и я? До двадцати пяти лет я вообще не жил духовно”. Этой “землей”, почвой оказалась “Молодая Америка” — группа, объединявшая молодых (и не очень) литераторов: писателей и журналистов, ставивших целью развитие самостоятельной американской литературы. Очевидно, что неопит немедленно попал под влияние радушно встретивших его “младоамериканцев”. Несомненно и то, что, обнаружив собственную вопиющую необразованность, он с пылом и воодушевлением бросился наверстывать упущенное — погрузился в мир философии, истории, “большой” литературы. Прежде всего — европейского Ренессанса и Просвещения. Кумиры Мелвилла — Шекспир, Рабле, Свифт, Дефо — оттуда. Очевидно, что “Ому”, вторая повесть писателя, создавалась не только на волне успеха “Тайпи”, но и в соответствии с установками “Молодой Америки” — создать новую национальную и демократическую словесность. Судя по всему, в таком же русле начинался и “Марди”. Но отметим: Мелвилл (и в этом единодушны все исследователи его творчества) поразительно интенсивно развивался как литератор и мыслитель, а потому роман менялся в процессе создания. К этому периоду относится личный бунт Мелвилла против банальности в литературе, о чем он тогда же писал в рецензии на книгу Вашингтона Ирвинга. И, видимо, то была не просто реакция на очередной сборник именитого коллеги, но и саморефлексия — обра-

жение какой-то внутренней борьбы, полемика с самим собой. Сочиняя “Марди”, Мелвилл рос, развивался. И роман, как в зеркале, запечатлел следы и этапы этого роста. Отсюда и “жанровая аморфность”, о которой так любят рассуждать литературоведы. Автор же примерял новые “одежды” и чувствовал себя в них вполне комфортно.

Таким образом, и на жанровую “чересполосицу” романа возможно посмотреть по-другому. Прежде всего как на свидетельство потрясающей свободы автора и его таланта — способности работать в таких трудно совместимых областях, как философская проза, сатира, приключения, бурлеск, травелог. Вероятно, куда разумнее было бы все это сочинять по отдельности. Но автор молод, он бунтует против ограничений, ощущает свободу творчества, полемичен в ее отстаивании. Пожалуй, никогда позже Мелвилл не был так раскрепощен, как в “Марди”. И так изменчив! Читая роман, буквально чувствуешь перемены, происходящие с автором. Он развивается вместе со своим текстом. И наблюдать за этим потрясающе интересно.

Очевидно, что в процессе работы над романом и границы “Молодой Америки” стали Мелвиллу тесны. Не знаю, обратил ли внимание читатель, но корабль, на котором герой отправляется в плавание, называется “Арктуруион”. Едва ли это случайность. “Арктурус” — так назывался журнал “младоамериканцев”. В нем со статьями и рецензиями публиковался и Мелвилл. “Старый добрый ‘Аркту-

рион'! — восклицает автор. — Старый корабль! Где плывет теперь твой одинокий призрак? Материнское судно, что так часто качало меня у своего дубового сердца, я скорблю, рассказывая о том, как покинул тебя на просторах этих глубин". Герой обращается к кораблю, но разве можно *такое* сказать судну? "Арктурион'! Я говорю это без злобы, но ты был изнурительно скучен". И дальше: "Дни медленно катились и катились, бесконечные и бессодержательные, как космические циклы. Время, отрывки времени; со сколькими веками беседовала моя койка, раскачивавшаяся, словно маятник, когда унылое судно давало крен, а часы тикали, отмечая прошедшие эпохи. Фигура на носу 'Арктуриона', нерушимая и неизменная, словно святыня, теперь — увы! — покрыта морским мхом..." Впрочем, "нужно обладать чересчур богатым воображением, чтобы вообразить, будто наше бегство могло каким-то образом повлиять на его судьбу". Это Мелвилл о том, что журнал и без него продолжит свое "плавание". Но теперь им уже не по пути. Вот такое расставание с "Молодой Америкой". Возможно, не поймешь сразу, что автор обращается к своей "литературной колыбели". И таких явных, скрытых и полускрытых отсылок, реминисценций, параллелей в романе великое множество. А сколько цитат! Опять же — явных и скрытых! Текст ими не просто насыщен, но перенасыщен! Можно предположить, что для читателя тех давних лет это было препятствием, и серьезным. Для автора, напротив, свиде-

тельством его свободы, интеллекта и литературного таланта. Да, сочетание непростое! Но, что поразительно, книга — большая книга и сложный текст! — читается легко, а если читать ее неторопливо, то и весело.

И тут мы приближаемся к проблеме перевода. Переводить *такую* книгу — непростая задача. Могу предположить: сложность "Марди" и была одним из основных препятствий на пути романа к русскоязычному читателю.

Признаюсь: к чтению перевода приступал с опаской — представлял, какие трудности должны возникнуть у того, кто попытается передать свободную игру ума, "извивы" стиля и философские "кунштюки" Мелвилла на русском. Но опасения оказались напрасны, и теперь русскоязычного читателя — нашего современника можно поздравить с тем, что до него, наконец, дошел последний роман мастера. Это из него "прорастет" затем "классический", монументальный "Моби Дик", именно в "Марди" следует искать его истоки.

А потому, читатель, пора отправляться в путь: "Брамсели и марсели установлены, поднятый якорь покачивается на носу, и все три стены отданы на волю ветра, который провожает нас в море, будто собачий лай. Он захватывает трапы, реи, оба борта, и тень наших парусов на волнах, похоя на ястреба с трепещущими крыльями, растворяется в соленой воде". И тридцатилетний Мелвилл командует: "Мы отправляемся!"